

ΡΟΝΤΙΚΑ 2006 • ΠΟΝΤΙΚΑ 2006

STUDIES IN ANCIENT ART AND CIVILIZATION Vol. 11

DE ANTIQUORUM ARTIBUS ET CIVILISATIONE STUDIA VARIA Pars XI

PONTIKA 2006 • ПОНТИКА 2006

Najnowsze badania greckich kolonii północnych wybrzeży
Morza Czarnego

Materiały międzynarodowej konferencji, Kraków, 18 marca 2006

pod redakcją

Ewdoksii Papuci-Władyki

Uniwersytet Jagielloński

Kraków 2008

STUDIES IN ANCIENT ART AND CIVILIZATION Vol. 11

DE ANTIQUORUM ARTIBUS ET CIVILISATIONE STUDIA VARIA Pars XI

PONTIKA 2006 • ПОНТИКА 2006

Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies
Новейшие исследования греческих колоний Северного
Причерноморья

Proceedings of the International Conference, Kraków, 18th March, 2006

Edited by
Ewdoksia Papuci-Władyka

Jagiellonian University
Kraków 2008

EDITORIAL BOARD

Krzysztof M. Ciałowicz
Janusz A. Ostrowski (Reviewer of the volume)
Ewdoksia Papuci-Władyka
Joachim Śliwa

TECHNICAL EDITOR

Katarzyna Mirczak

COVER DESIGN AND LAYOUT

Aleksandra Kowal

COVER PHOTO

Robert Słaboński

ENGLISH TRANSLATION

Authors & Katarzyna Bodziony
Jadwiga Szczupak
Tadeusz Stanek

COPY EDITOR

Tadeusz Stanek

Published by the Jagiellonian University Institute of Archaeology

© COPYRIGHT BY INSTYTUT ARCHEOLOGII UJ & AUTHORS
KRAKÓW 2008

ISSN 0083-4300

Contents

Jarosław Bodzek Koshary (Ukraine) – Coin finds in 2004-2005	12
Jan Chochorowski Social aspects of sacred spatial organization of Koshary necropolis	24
Maciej W. Czech Prospects of archaeological underwater research of the Black Sea basin	46
Krzysztof Kaczanowski, Andrzej Kosydarski, Elżbieta Niedźwiecka Results of 1998-2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine)	52
Marta Kania Daily Life in Ancient Koshary: Some Comments (Part 1).....	62
Aleksandra Kowal Grey ware from the Koshary site	74
Валентина Владимировна Крапивина Исследования последних лет в южной части Верхнего и Нижнего города Ольвии	95
Grzegorz Łączek Bone amulets from tomb No. 211 at Koshary, Ukraine	111
Mariusz Mielczarek Archaeological Excavations at Ancient Nikonion (Summary)	120
Сергей Борисович Охотников Античные поселения городов Нижнего Поднепровья (VI в. до н.э. – III в. н.э.)	122

Andrzej Pydyn Preliminary result of archaeological underwater survey in the northern part of the Black Sea basing on example of Olbia	134
Евгения Федоровна Редина, Эвдоксия Папуци-Владыка, Ярослав Бодзек, Войцех Маховски Археологический комплекс античного времени у села Кошары – итоги исследования	142
Татьяна Львовна Самойлова Исследования последних лет античной Тире и проблемы ее изучения	161
Томаш Шолль Западная часть эллинистического Танаиса по итогам раскопок Варшавского Университета	176
Владимир Никифорович Станко Праздник бизона в древних культурах юго-восточной Европы	190
Владимир Петрович Ванчугов Древнейшие фибулы Северного Причерноморья	204
Michael Vickers, Amiran Kakhidze Pichvnari 1967-2005; recent work in a Colchian and Greek settlement	220
Plates • Таблицы	239

PREFACE

March 2006 was an exceptionally good month in Kraków for Polish-Ukrainian cultural and scientific cooperation. On March 17, a photographic exhibition entitled *In Search of Treasures. Polish-Ukrainian Research at Koshary near Odessa* was opened at the National Museum in Kraków. This was followed by an international conference held on the next day at the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University: ПОНТИКА — PONTICA — ПОНТИКА.¹

Both events were the effect of cooperation between the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University and the Archaeological Museum of the National Academy of Sciences of the Ukraine in Odessa, a cooperation which started several years ago, in 1998. The joint archaeological Koshary Project was launched then and, more importantly, closer ties were established between the two institutions.

Some time ago, Jarosław Bodzek (a member of the Koshary Project, staff member not only of the Institute of Archaeology at the Jagiellonian University but also of the National Museum in Kraków, where he heads the Numismatic Room) and Krystyna Moczulska (then in charge of the Ancient Art Gallery at the Czartoryski Museum in Kraków) came up with the idea to organize an exhibition of antiquities from Odessa in our city. Our joint suggestion to have a photographic presentation of the excavations and an academic conference to go with it was a natural follow-up. The Odessa exhibition,² was organized as part

¹ E. Papuci-Władyka, M. Kania, *Nadczarnomorska konferencja*, „Alma Mater”, No. 81, 2006, 59-60.

² Cf. J. Bodzek, M. Woźniak, *Skarby znad Morza Czarnego*, „Alma Mater”, No. 81, 2006, 61-62; *Skarby znad Morza Czarnego. Złoto, rzeźba, ceramika z Muzeum Archeologicznego w Odessie / Treasures from the Black Sea. Gold, Sculpture, Pottery from the Archaeological Museum in Odessa* (Katalog wystawy w Muzeum Narodowym w Krakowie, marzec-czerwiec 2006 / Catalogue of the Exhibition at the National Museum in Kraków, March-June 2006), J. Bodzek (ed.), Kraków 2006.

of the Kraków Museum's ODESSA-KRAKÓW project. It was listed as one of the numerous cultural events designed to promote the Ukraine in Poland as part of the year-long program called "Year of the Ukraine in Poland" in 2005, which ran over from the preceding year into 2006. The official opening ceremony of the Odessa exhibition and the photo presentation took place on March 17 in the Main Building of the Kraków National Museum.³

Complementing the two exhibitions in the scientific sphere was a conference concerning the newest research in the Black Sea littoral. It took place on March 18 at the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University in Gołębia Street and it proved to be an excellent forum for exchanging ideas and presenting the results of work by several expeditions excavating in the region from Tyras in the Ukraine in the west to Tanais in Russia and the Georgian Pichvnari in the east. The conference was attended by the late Vladimir P. Vanchugov, Director of the Archaeological Museum in Odessa. It was hosted jointly by Jan Chochorowski, Director of the Jagiellonian University's Institute of Archaeology, and Ewdoksia Papuci-Władyka, head of the Classical Archaeology Department at the Institute and co-director, with Evgeniia F. Redina, of the Koshary Project. Special guest Vassos Karageorghis, Director of the Anastasios G. Leventis Foundation (Nicosia, Cyprus), presented the achievements of the Foundation in the promotion, conservation and organization of exhibitions of monuments of Cypriot and Greek culture throughout the world, the Odessa Museum included.

The PONTIKA conference brought important conclusions which are presented in these proceedings. The conference also demonstrated the role that Kraków can play as a meeting place between the East and West of Europe. Many promising contacts were made at the conference between representatives of various academic institutions and museums. By the same token, the one-day meeting organized by the Department of Classical Archaeology at the Jagiellonian proved to be an important event for researchers focusing on ancient cultures on the Black Sea.

The exhibition and conference would hardly have been the success it was without the contribution of the staff, doctoral candidates and students of the Faculty of History and the Institute of Archaeology of the Jagiellonian University: Wojciech Machowski, Marta Kania, Grzegorz Łaczek, Aleksandra Kowal, Maciej Czech, Katarzyna Mirczak, Sylwia Stelmach and Anna Drzymuchowska, as well

³ Open until June 4, 2006; cf. Also E. Dziwisz, *Złoto, groby i uczeni*, „KRAKÓW”, czerwiec 2006, 74-75.

as Sławomir Chwałek, a graduate of our Institute. Jarosław Bodzek and Mateusz Woźniak of the Archaeological Institute and the National Museum operated as a natural connection between our two institutions.

Ewdoksia Papuci-Władyka
Jagiellonian University, Kraków

ABBREVIATIONS • СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- „ACIMB” — „Annuarul Comisiunii monumentelor istorice: secția din Basarabia”
„CNA” — “Cronica numismatică și arheologică”
IOSPE² — B. Latyshev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini,
Ed. 2, Petropolis 1885-1916
„KSIA AN SSSR” — „Kratkie soobshchenia Instituta Arkheologii AN SSSR”
(see „КСИА АН УССР”)
„MSROA” — „Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego”
„MIA” — „Materialy i issledovania po arkheologii SSSR” (see „МИА”)
„NE” — “Numismatika i Epigrafika” (see “НЭ”)
„RGF” — „Römisch — Germanische Forschungen”
„VDI” — „Vestnik Drevnei Istorii” (see „ВДИ”)
- „АО” — „Археологические Открытия”
„АП УРСР” — „Археологічні пам’ятки УРСР”
„ВДИ” — „Вестник Древней Истории” (см. „ВДИ”)
„ЗООИД” — „Записки Одесского общества истории и древностей”
„КСИА АН УССР” — „Краткие сообщения Института археологии АН УССР”
(см. „KSIA AN SSSR”)
„МИА” — „Материалы и исследования по археологии СССР” (см. „МИА”)
“МАСП” — „Материалы по археологии Северного Причерноморья”
„НЭ” — “Нумизматика и эпиграфика” (см. „NE”)
ПГКСВП — Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного
Причерноморья, Тбилиси
„СА” — „Советская археология”
СЗП-КЗДК — Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древ-
них культур, Киев

PONTIKA 2006 • ПОНТИКА 2006

Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies
Новейшие исследования греческих колоний Северного Причерноморья
(Proceedings of the International Conference, Kraków, 18th March 2006)
Kraków 2008

Владимир Никифорович Станко

Николаев, Украина

Праздник бизона в древних культурах юго-восточной Европы

Одной из интереснейших и в то же время сложнейших проблем древней истории является воссоздание идеологических представлений, а вместе с тем и поиски истоков многих древних и современных обрядов, их первоначальной эмоциональной нагрузки. Традиционно для реконструкции обрядовых церемоний древних обществ привлекаются соответствующие материалы синполитейных обществ, а археологический контекст служит лишь иллюстрацией к созданным реконструкциям.

В принципе этнология дает достоверное соответствие материальных проявлений обряда определенным идеологическим представлениям. Однако, необходимо учитывать, что различные древние воззрения могут иметь сходные материальные проявления и наоборот. В таких случаях, как показывает опыт, привлечение этнографических аналогий всегда ведется в пользу предполагаемых моделей, что и делает последние не менее гипотетичными.

В свою очередь, археологические источники по этой проблематике крайне фрагментарны и неоднозначны. В этой связи при реконструкции древних обрядовых церемоний и выявлении сущности репрезентованных ими идеологических воззрений особое значение приобретает контекст найденных артефактов. Однако, даже достаточно информативный археологический комплекс не позволяет исследователю полностью раскрыть ход и сущность древнего обряда.

В этой ситуации археолог для «оживления» древних праздников и сопутствующего им церемониального ритуала привлекает этнологические модели,

построенные на сходных внешних проявлениях обрядовых церемоний, т.е. на сходстве контекста материального обеспечения культа. Этноархеологическая модель получает, таким образом, широкий временной и пространственный диапазон, что в значительной мере лишает ее конкретно исторического содержания. Не умоляя значение «глобальных моделей», представляется более эффективным комплексный анализ сложения и развития во времени древних культов в культурах населения традиционно взаимосвязанных территорий.

В свете изложенного интересно проследить во времени генезис и развитие культа бизона (быка) и сопровождающих праздник обрядовых церемоний, впервые зафиксированных на памятниках позднего палеолита степного Причерноморья, с одной стороны, и прослеженных в древних археологических комплексах Юго-Восточной Европы от эпохи неолита до средневековья и исторической традицией в афинских буфониях, с другой (Кагаров 1913, 249; Толстой 1936, 251; Борисковский 1953, 351; Станко 1993, 5)

Впервые вопрос о ритуальных местах, связанных с отправлением культа бизона в общинах позднего палеолита степного Причерноморья, был поставлен П.И. Борисковским в связи с интерпретацией амвросиевского комплекса на Донбассе, который состоял из костяка, выявленного в овражке и стоянки, расположенной недалеко на плато (Борисковский 1953, 328-362). И.Г. Пидопличко, П.П. Ефименко, В.И. Бибилова полагали, что амвросиевское костякище возникло в процессе охотничьего промысла как результат одной удачной облавы (Пидопличко 1953, 68), либо многократных загонов (Ефименко 1953, 550) с последующей разделкой туш зубров (бизонов) в овражке.

П.И. Борисковский, привлекая обширные этнографические аналогии, показал, что амвросиевское костякище и стоянка составляют единый хозяйственно-бытовой комплекс, в котором костякище образовалось как результат долговременного складирования древними обитателями костей «основного объекта охоты — зубра, надеясь этим обеспечить возрождение животных и удачную охоту на них в будущем» (Борисковский 1953, 351).

Однако, предложенная П.И. Борисковским интерпретация амвросиевского комплекса не была поддержана исследователями палеолита этого региона. В 60-80-ые годы XX столетия Г.В. Григорьева, А.А. Кротова, Н.Б. Леонова, Е.В. Миньков, вслед за И.Г. Пидопличко и П.П. Ефименко, продолжали рассматривать амвросиевское костякище как результат загоной охоты (Григорьева 1968, 9; Неприна, Зализняк, Кротова 1986, 51-54; Леонова, Миньков 1987, 42-46).

Указанные авторы попытались усилить археозоологические и собственно археологические аспекты аргументации своих предшественников. В какой-то мере это

им удалось. Так, проведенное Н.Б. Леоновой и Е.В. Миньковым тафономическое, планиграфическое и микростратиграфическое изучение костяка действительно вскрыло сложный и неоднозначный характер накопления его остатков. Однако, по сути сложная структура костяка не исключает, а наоборот, подтверждает его формирование как составной части церемониального обряда, посвященного культуре бизона. Более того она позволяет уточнить ритуал обрядового праздника, многократность его исполнения и уж никак не отрицает его суть.

П.И. Борисковский вообще не исследовал ритуал праздника. Он лишь дал сущностную оценку костяка, как сакрального объекта первобытности. В быту первобытной общины производственные и сакральные процессы, как правило не разделялись, а сливались в единое целое. Поэтому в костяке захоронены как орудия и кости утилизированные в быту, так и предметы, напрямую связанные с проведением праздника. Но это не исключает значение костяка как сакрального места, связанного в сознании первобытного человека с культом быка, где целенаправленно собраны «все» кости священного животного, куда брошены красная охра и сломанные («наказанные») предметы охотничьего вооружения, где нет ничего «лишнего», того, что противоречило бы принятому миропорядку. Сакрализация места в древности в меньшей мере зависела от характера накопления культурных остатков, а иногда даже и от их состава (как, например, в культовых зольниках бронзового века Северного Причерноморья — Тоцев, Черняков 1986, 125-132), а в основе своей была обусловлена традициями мировосприятия в первобытной общине.

Н.Б. Леонова и Е.В. Миньков (1987, 42) признают возможность совершения магических обрядов в процессе разделки туш животных на костяке, но лишь с головами бизонов. Позже к ним присоединилась и Г.В. Григорьева (1991, 24). В целом же, приводя интригующие, но несовместимые по характеру адаптации и реально удаленные как во времени, так и в пространстве аналогии с “kill sites” Северной Америки (Г.В. Григорьева, А.А. Кротова); либо конструируя любопытный, но маловероятный способ загонной охоты (Н.Б. Леонова, Е.В. Миньков), указанные авторы пытаются доказать все-таки промысловый в своей основе характер накопления костяка. Нет необходимости в контексте данной статьи вступать в широкую дискуссию с названными авторами по вопросам возникновения и развития амвросиевского комплекса, заметим лишь, что схема загонной охоты, предложенная в свое время П.И. Борисковским, П.П. Ефименко, И.Г. Пидопличко более реалистична, а сам по себе характер накопления культурных остатков на костяке не может служить основанием для отрицания его сакрального характера.

В последние годы получены новые материалы о становлении и отправлении культа бизона в позднем палеолите степного Причерноморья. Они позволили воссоздать ритуал обрядово-театрализованных праздников охотников на бизона, более широко рассмотреть проблему реконструкции миропонимания первобытных степных охотников, а также динамику промыслового культа бизона во времени и пространстве (Борзияк 1991, 22-23; Минько 1990, 25-26; Станко 1993, 3-7).

Наиболее яркий и информативный комплекс, связанный с промысловым культом бизона, выявлен на позднепалеолитическом поселении Анетовка 2 в степном Побужье (Станко 1993, 3-7). Он состоит из трех структурно и функционально разных частей:

1. Площадка площадью более 700 кв. м в западном секторе поселения, на которой выявлено 40 микроскоплений вокруг камней-наковален, состоящих из раздробленных костей бизона (преимущественно кости конечностей, лопатки, фрагменты черепов, челюсти и т.п.) и кремневых изделий, предназначенных для разделки туш животных (топоры, ножи, резцы, скребки, скобели и др.). Микропластинки с притупленным краем и микроострия (вкладыши охотничьего вооружения) здесь единичны. В то время как на других участках их собрано около 10 000 экз. Функционально западный комплекс микроскоплений расценивается как участок для разделки туш бизонов (Станко 1989, 61-62; Станко, Краснокутский, Старкін 1992, 10-23).

2. Макроскопление площадью до 500 кв. м. в восточном секторе поселения, имеет сложную структуру. Вначале отметим, что скопление сильно размыто ливневыми потоками. Вся его площадь в результате размыва оказалась плотно «забутована» обломками и целыми костями животных, кремнем (до 1 000 и более кремней на 1 кв. м), разнообразными изделиями из рога, кости, кремня и камня. Мощность скопления местами достигает 35-40 см. На южной его окраине выявлен круг, выложенный челюстями бизона и густо окрашенный в красный цвет. В одном метре к северу от этого сооружения лежал череп бизона, окрашенный охрой. В завале костей между черепом и кругом выявлены 4 лопатки бизона, которые, по мнению А.Д. Столяра, служили постаментом для установки головы бизона внутри круга. В 1,5 м к востоку от круга расчищено сооружение из трех окрашенных черепов бизона. Между этими черепами и кругом среди кремней и фрагментов костей лежали также лопатки и длинные трубчатые кости бизона. В 5 м к юго-востоку от круга раскрыт относительно обособленный комплекс из трех слабо окрашенных черепов бизонов, расположенных полукругом в 0,5 м друг от друга. И, наконец, в 9 м к северо-

западу от круга был найден густо окрашенный охрой и «замытый» мелкими осколками костей и кремнем одиночный череп бизона (Краснокутский 1992, 43-49). Особо следует выделить находку в восточной части макроскопления черепа молодой девушки 15 - 17 лет (по определению В.П. Алексева), который лежал в брекчии из костей животных и кремней без каких-либо признаков захоронения. Других костей скелета человека на поселении найдено не было. По предположению В.П. Алексева девушка стала жертвой церемониального обряда, связанного с человеческими жертвоприношениями и потому ее череп был небрежно выброшен в кучу из костей бизона в непосредственной близости от окрашенных черепов. Функционально макроскопление оценивается как место исправления культа бизона.

3. Между этими двумя комплексами расчищена округлая в плане площадка диаметром 4,5 м с небольшим числом находок кремней и костей. Она была интенсивно окрашена вторичным каолином в белый цвет. Обломки охры, вторичного каолина, угольки были рассеяны по всей поверхности окрашенной площадки. Вторичный каолин, смешанный с жиром, как и угольки и охра могли применяться для раскраски тел участников праздничной церемонии. К тому же вторичный каолин, смешанный с жиром, по данным В.Ф. Петруня, является прекрасной защитой от мошкары.

Вероятно, с этими комплексами связана и площадка на северо-восточной окраине поселения (на сегодня раскопано 300 кв. м), которая представляет собой участок с обособленными микроскоплениями нуклеусов, отщепов, пластин и отходов производства. В каждом таком микроскоплении найдены одна или две наковальни из плитчатого известняка или гнейса. Промывка грунта культурного слоя на этом участке выявила большое количество микрочешуек, мелких отщепов и осколков, резцовых сколов и т.п. Здесь собрано также большое количество изделий со вторичной обработкой (микропластинок с притупленным краем, микроострий, резцов и др.). С.Н. Бибилов полагал, что рабочая площадка была местом инициаций молодых охотников. Здесь обучали их изготовлению охотничьего снаряжения, о чем, вероятно, свидетельствует большое число сломанных, некачественных и незавершенных изделий. Функционально комплекс оценивается как место изготовления орудий труда, прежде всего, охотничьего снаряжения.

Таков краткий археологический контекст сакрального комплекса Анетовки 2.

Археологический комплекс Анетовки 2 не позволяет нам достоверно установить, где был забит бизон, принесенный на участок разделки. И был ли он принесен целиком или по частям. Происходил ли забой бизонов в глубоком

овраге по соседству с поселением или где-то в другом месте, пока установить не удалось. Неясно имел ли место специальный промысел жертвенных животных. Несомненно, только то, что туша бизона была доставлена на разделочную площадку поселения (№1), вероятней всего, выпотрошенной и, не исключено, предварительно расчлененной на месте забоя. Судя по составу фаунистических комплексов микро- и макроскоплений полная разделка туши бизона проходила именно здесь. Об этом свидетельствуют камни-наковальни («колоды») и массивные до 20 см в поперечнике кремневые топоры, найденные в непосредственной близости от «колод». Обычно такие орудия отсутствуют на позднепалеолитических стоянках. Здесь же, видимо, и проходило распределение разделанных туш бизонов среди обитателей поселения. К сожалению, нами пока не выявлен хозяйственно бытовой комплекс поселения, где могла готовиться пища участниками бизоньего праздника. Поэтому воздержимся от определения характера распределения расчлененной туши. Ясно только, что на разделочном участке оставались только не содержащие мяса части туши — обломки черепов, челюсти, копыта и т.п.

По ходу подготовки к празднику на небольшой площадке в центре поселения (№3) производилась раскраска тела участников церемонии перед выходом в восточный сектор (место театрализованного праздника), о чем свидетельствуют находки здесь большого количества обломков охры, вторичного каолина, угольков. Не исключено, что участники торжества украшали себя шкурами и рогами бизона. Вероятно, загодя были изготовлены и другие атрибуты праздника — ритуальное оружие, украшения, сакральные предметы (Станко, Григорьева, Швайко 1989, 80).

В восточном секторе поселения проходили основная и заключительная части охотничьего праздника. Здесь первоначально, видимо, был выложен круг из челюстей или черепов бизона, в центре которого возвышалась на подпорках (лопатках, трубчатых костях, шестах и т.п.) голова бизона. Затем все это сооружение было густо посыпано красной охрой — символом крови и жизни у древних народов. К сожалению, не смотря на применение ряда сложных методик (микростратиграфический и планиграфический анализы, промывка грунта после разборки слоя, аплекация скелета бизона и т.п.) нам не удалось установить, в какой последовательности укладывались и окрашивались все девять голов бизона. Сооружался ли весь комплекс одновременно или последовательно, когда перед началом каждого охотничьего сезона устанавливалась новая голова или строилось сооружение из голов (круг из трех черепов); было ли это единое сложное культовое сооружение или комплекс последовательно

функционирующих культовых мест? Нам представляется, что это не имеет принципиального значения для установления сути, связанных с комплексом церемониальных действий, хотя и не позволяет детализировать сам процесс прохождения праздника в этом секторе.

Нетрудно предположить далее, что раскрашенные участники церемонии при «полном» охотничьем вооружении (остатки которого найдены в большом количестве в макроскоплении), возможно с факелами, собирались у культового сооружения, где и устраивали разнообразные ритуальные действия (подавание мяса жертвенного животного, игры, танцы, пение и т.п.). Интересно отметить, что большинство найденных в макроскоплении костяных наконечников (в микроскоплениях они отсутствуют) либо сломаны в древности, либо изогнуты в профиле и не пригодны для промысла, т.е. надо полагать они специально были изготовлены для ритуальных церемоний и походу прохождения театрализованного ритуала сломаны. Найдены здесь и другие изделия из кости, назначение которых определить пока затруднительно. Часто встречающиеся в культурном слое угольки свидетельствуют о том, что здесь в древности горели костры, следы очагов на площадке отсутствуют. Поедание мяса бизонов, где бы оно ни проходило, сопровождалось сбором его костей, обломки которых складировались у окрашенных черепов. Со временем вокруг последних образовались большие кучи дробленой фауны, из которых в процессе их разрушения ливневыми потоками и образовалось микроскопление. Не исключено, что кости утилизированных животных укладывались в кучи не только в процессе праздника, но и в повседневной жизни. В таком случае становится понятной возможность одновременного функционирования всего комплекса, связанного с внутренней структурой общины первобытных охотников на бизона, состоявшей, видимо, из девяти парных семей разной степени родства. Последнее четко прослеживается в планиграфии черепов комплекса.

Такова одна из возможных версий обрядово-театрализованного праздника, реконструированного по материалам Анетовки 2. Возможна и иная интерпретация описанного комплекса и другая реконструкция обрядовой церемонии. Не исключено, что по иному они проходили в Амвросиевке, где костнице служило лишь местом сбора костей тотемного (священного) животного, а сами «торжества» проходили где-то рядом или вообще последние не имели место, а практиковался лишь сбор костей священного животного. Однако, суть всех вариантов исправления культа бизона в первобытных общинах одна — они отражают преломление в человеческом сознании сложных явлений взаимоотношения человека с природой, с иллюзорным осознанием единства человека и природы.

П.И. Борисковским (1953, 251-252) приведен обширный археологический и этнографический материал, который, на наш взгляд, убедительно доказывает культовый характер костяк, подобных амвросиевскому и анеговскому. Это избавляет нас от их повторения и умножения. Приведем лишь один пример из древней истории. Поиски этнографических аналогий неожиданно привели нас к обряду и соответствующих ему легендах древних греков — афинским буфониям. В Афинах (VI-V вв. до н.э.) обряд буфоний («быкоубийства») справлялся ежегодно в июне месяце (Кагаров 1913, 229; Толстой 1936, 251).

Приведем краткое описание обряда по И.И. Толстому: «На алтарь Зевса Полиея, находившийся на Акрополе, сыпали вперемежку зерна ячменя и пшеницы и подводили быка, предназначенного к жертвоприношению. Бык, якобы по недосмотру людей, окружающих алтарь, тянулся к алтарю мордой и съедал часть зерен. Тогда один из жрецов, которого по этому случаю называли «буффоном», «быкоубийцей», наносил ему смертельный удар топором, после чего отбрасывал топор в сторону и обращался в бегство. Погоня за буффоном не устраивалась: ему позволялось бежать. Но отброшенный топор поднимали с земли, судили, признавали виновным и приговаривали к потоплению в море. Казнь над топором совершалась, а мясо убитого быка потреблялось участниками церемонии за общей жертвенной трапезой, причем кожу животного набивали соломой и устанавливали на подпорках, запрягая это чучело в плуг» (Толстой, 1936, 251).

Как следует из описания подобных обрядов этнологами и историками, у древних народов театрализованные церемонии, посвященные культу священного животного, начинались с испрашивания извинения у намеченного к убийству животного, так как, по сути, убивали прародителя. Естественно, в таком случае должен быть и виновник убийства. Не исключено, что уже тогда, в начале становления культа промыслового животного, ими оказывались орудия убийства (охоты): копье, затем стрелы, и, наконец, топор). Для того чтобы не «казнить» добротные подогнанные к руке охотника копыта, в первобытных общинах вошло в традицию изготавливать специально ритуальное «оружие», которое к тому же «причиняло» меньшую боль священному животному.

Таковы основные параметры сакрального ритуала буфоний. Они во многом напоминают нашу версию анеговского праздника. Остановимся лишь на одном эпизоде. Существенным моментом прохождения обряда в Афинах является «установление» виновника убийства. Таковым оказывается топор

— орудие обийства. Не ведет ли свое начало эта традиция от «наказания» наконечников копий, обломки которых собраны в толще культурного слоя в сакральных местах Анетовки 2 и Амвросиевки?

Существуют разные версии генезиса и легенды афинских буфоний. Большинство исследователей, изучавших античный обряд, склоняется к тому, что в их основе лежат древние традиции греков. Е.Г. Кагаров писал: «руди-мент того рода психических переживаний, которые отводят нас далеко назад от образованных, торговых Афин V в. в глубину веков, на совсем иную стадию общественного развития...» (Кагаров 1913, 235). С этим трудно не согласиться.

Действительно, бык как объект охоты известен на Балканах, как и в степном Причерноморье, с раннего палеолита (Kourtessi-Philippakis 1986, 43; Kozłowski (ред.) 1982, 62). С этого времени также складываются тесные культурные связи между населением Балкан, Северного Причерноморья и Крыма. На протяжении многих тысячелетий прослеживаются близкие пути развития материальной культуры и хозяйства. Особенно тесное взаимодействие культур этих регионов устанавливается со второй половины позднего палеолита (единая микрогреттская область) и мезолите (Станко 1982; Станко, Григорьева, Швайко 1989). Широко представлен культ бизона и в палеолитических памятниках более западных регионов (см. Борисковский 1953, 251). Достоверные проявления праздника, посвященные быку на Балканах в позднем палеолите и мезолите, нам пока не известны. Однако уже в более позднее время культ быка широко представлен в археологических комплексах неолита, энеолита и бронзового века Болгарии, Греции, в Микенах и на Крите (Езеро 1979; Тодорова 1979; Кияшко 1992). По мере трансформации материальной культуры и хозяйства древних обитателей Балкано-Причерноморского региона видоизменялось и их мировосприятие. Постепенно и культ бизона эволюционировал от чисто охотничьего к земледельческо-скотоводческому.

Сложившийся в позднем палеолите культ бизона сыграл важную роль в развитии культуры населения Юго-Восточной Европы. Он был одним из важнейших факторов ранней доместикиции быка в этом регионе и нашел отражение в мифологии всех народов Балкан и Северного Причерноморья (Станко 2000; Stanko 2003).

Несомненно, впереди более глубокие проработки археологического материала и мифологии народов Юго-Восточной Европы и сопредельных территорий, в процессе которых будут уточнены многие аспекты первобытной

мифологии, в том числе и проявление культа бизона. Мы не исключаем и возможность другой версии интерпретации анетовского комплекса. Однако, сакральный характер его несомненен.

Литература:

Борзьяк И.А.

1991 О возможной интерпретации проявления культа быка в позднем палеолите Юго-Запада СССР, [в:] Реконструкция древних верований: источники, метод, цель, Ленинград.

Борисковский П.И.

1953 Палеолит Украины, „МИА” 40, Москва, Ленинград.

Григорьева Г.В.

1968 Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья, Ленинград.

1968а Позднепалеолитические культовые места, [в:] Религиозные представления в первобытном обществе, Москва.

Григорьева Г.В.

1991 Некоторые культовые места в палеолите, [в:] Реконструкция древних верований: источник, метод, цель, Ленинград.

Езеро

1979 Езеро. Раннобронзового селище, София.

Ефименко П.П.

1953 Первобытное общество, Киев.

Кагаров Е.Г.

1913 Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, Санкт-Петербург.

Kozłowski J.A. (ред.)

1982 Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria). Final Report, Warszawa.

Kourtessi-Philippakis G.

1986 *Le paleolithique de la Grèce continentale*, Paris.

Краснокутський Г.Є.

1992 Комплекс черепів бізонів на пізньопалеолітичному поселенні Анетівка II і його можлива функціональна роль, [в:] Археологія Південного Заходу України, Київ.

Леонова Н.Б., Миньков Е.В.

1987 К вопросу об интерпретации амвросиевского костяка — уникального памятника позднего палеолита Приазовья, [в:] Проблема интерпретации археологических источников, Орджоникидзе.

Миньков Е.В.

1991 Новые сведения о позднепалеолитических культовых местах (по материалам раскопок стоянки Каменная балка II), [в:] Реконструкция древних верований: источники, метод, цель, Ленинград.

Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А.

1986 Памятники каменного века Левобережной Украины, Киев.

Пидопличко И.Г.

1952 Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности, „КСИА АН УССР”, 2.

Станко В.Н.

1953 О культе бизона в раннепервобытных общинах степного Причерноморья, Одесса.

1989 Производственные комплексы по утилизации охотничьей добычи в позднем палеолите, [в:] Первобытная археология. Материалы и исследования, Киев.

Stanko V.N.

2003 First Cattle-breeders of the Azov-Pontic Steppes, [in:] Prehistoric Steppe adaptation and the Horse, Cambridge.

Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швайко Т.Н.

1989 Позднепалеолитическое поселение Анетовка II, Киев.

ПРАЗДНИК БИЗОНА В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Станко В.Н., Краснокутський Г.Є., Старкін А.В.

1992 Деякі особливості структури поселень пізнього палеоліту (за матеріалами Анетівки II), [в:] Археологія Південного Заходу України, Київ.

Тодорова Х.

1979 Энеолит Болгарии, София.

Толстой И.И.

1936 Обряд и легенда афинских буфоний, [в:] „Советский фольклор” 4-5.

Тоцев Г.Н., Черняков И.Т.

1986 Культовые зольники сабашиновской культуры, [в:] Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья, Киев.

Stanko Vladimir Nikiforovich

Nikolaev, Ukraine

The bison feast in the early cultures of South-Eastern Europe

Summary

The paper treats the issue of the appearance and development of the bison (bos) cult in the ancient societies of the Balkans and the Northern Black Sea shore. The earliest evidence of this cult is traced on the Upper Paleolithic sites of the North-Western Prychernomor'e (Amvrosiivka, Anetivka 2). Excavations on those sites provided a firm basis for a reconstruction of the rite and ceremony of the bison feast. The author deals with the cult evolution in the course of drastic changes in the material culture and subsistence strategies of the prehistoric inhabitants of South-Eastern Europe predicated upon the archaeological complexes from the Neolithic till Medieval times. The shift from hunting to producing economy was accompanied by a transformation of the cult from hunters' worship one to rites of herders and farmers but with a number of traits preserved. The general trends in the primitive people's world perception form the context of the exploration of 6th-5th c. B.C. Athenian *boufonia* genesis on the soil of much more ancient beliefs and rites.

